Иванов С. В.
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА
Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/27.html
Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник
Альманах современной науки и образования
Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 74-77. ISSN 1993-5552.
Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html
Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"
Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

5. Одним из следствий заимствования явилось возникновение этимологических дублетов - слов, этимологически восходящих к одной и той же основе, но имеющих в языке различное значение, произношение и написание. Большинство существующих в настоящее время этимологических дублетов - латинского происхождения. Дело в том, что в процессе заимствований слов одним языком из другого бывают случаи, когда одно и то же слово заимствуется дважды. Это возможно при длительных историко-культурных связях между народами, языки которых приходят в соприкосновение, а такова история влияния латинского языка на английский. Многие латинские слова появились в английском языке дважды: один раз из французского языка, другой раз из латинского языка непосредственно. Второе заимствование обычно удалено от первого значительным промежутком времени, и вновь заимствованное слово рассматривалось как новое. Родились этимологические франко-латинские дублеты. Например, из-за проникновения в разное время в английский язык через французский латинского слова corpus «тело» появились этимологические дублеты corps «корпус» и corpse «труп».

6. В результате заимствования английский язык пополнился интернациональными словами, встречающимися во многих языках, незначительными фонетическими различиями, связанные с особенностями произношения каждого языка. Например, из латинских слов, заимствованных английским языком и являющихся интернациональными словами, можно упомянуть слова obligation, constitution, alibi, laboratory, radius, tradition и т.д. Интернациональные слова являются видом этимологических дублетов, происшедших во многих случаях от латинских корней.

7. Появилось много слов, произношение и написание которых не соответствует нормам английского языка, которые имеют грамматические особенности. К числу латинских заимствований, не полностью ассимилировавшихся в языке, относятся например, series (множественное число - series), datum (множественное число - data), criterion (множественное число - criteria), phenomenon (множественное число - phenomena).

Наконец, в современном английском языке имеются и такие заимствования, которые полностью сохранили свой латинский облик, не подверглись и не подвергаются в настоящее время языковой ассимиляции. Эти слова и выражения используются в языке как своего рода цитаты из латинского языка. Сфера их употребления весьма ограничена: они обычно употребляются в научной прозе, в деловых документах, в риторике. К этим заимствованиям относятся такие выражения, как: alma mater (университет в шутливом, ласкательном смысле), bona fide («по доброй воле»), ex officio (по должности), conditio sine qua non (непременное условие) и т.д.

Можно говорить и о таком последствии латинских заимствований. Современный английский язык по своему строю является аналитическим, имеет грамматический строй, при котором связь слов в предложении выражается главным образом порядком слов и через служебные слова. Древнеанглийский язык был синтетическим, в нем связь слов в предложении выражалась изменением самих слов, была развита система словоизменительных форм: существительные имели систему склонения и категорию грамматического рода, прилагательные согласовывались с существительными в роде, числе и падеже, глаголы имели специальные формы для выражения совершенного и несовершенного вида и т.д. Но лингвисты XVIII века считали, что грамматические правила одни для всех языков, и, утверждая, что латынь является идеалом, часто пытались переделать английские выражения на латинский манер. Более того, они считали, что отмирание окончаний в словах было признаком деградации, а не прогресса. Они не могли вернуть уже исчезнувшие окончания, но сохранили остальные. Большое количество неправильных глаголов и тщательно сохраняемые окончания не дали английскому языку возможности полностью избавиться от элементов синтеза.

Список использованной литературы

1. **Арнольд И. В.** Лексикология современного английского языка. - М., 1995.
2. **Войнова Е. А.** Лексикология современного английского языка. - М., 2001.
3. **Гинзбург, Хидекель.** Лексикология английского языка. - М., 1981.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Иванов С. В.
Санкт-Петербургский государственый университет

В современной лингвистике, лингвокультороологии, социолингвистике и еще целом ряде наук на протяжении последних десятилетий вызывает живой интерес понятие «дискурса». В предложенной статье под дискурсом будет пониматься специфическая контекстуально обусловленная речемыслительная деятельность, направленная на достижение цели индивида и реализующаяся в виде текста, закодированного в соответствии с нормами лингвокультурной общности. Для того чтобы перейти к изучению непосредственно политического дискурса рассмотрим его базовые понятия.

Термин «политика» может относиться к широкому спектру событий , как однажды отметил Дж.Оруэлл: «Невозможно быть вне политики. Все события - события; политические» [Orwell 1962: 154]. Мысль о том, что любое повседневное событие может быть преподано в политическом свете, подразумевает, что политика возникает там, где люди живут в рамках определенных территориальных, национальных, социальных или

других организованных образований и ощущают потребность в изменении окружающей социальной действительности. Исследователи не подвергают сомнению также и то, что политика возникает там, где взаимодействие людей в рамках вышеупомянутых образований происходит с помощью вербальных средств, т.е. языка, а также невербальных средств, например, таких как политические символы. Отмечается невозможность существования политического взаимодействия «без употребления языка» [Fetzer & Weizman 2006: 143], которое признается людьми как «политическими животными» [Chilton 2004: 201] таковым.

Такое политическое взаимодействие происходит преимущественно в двух измерениях. Первое направление представляет собой борьбу «за власть между теми, кто пытается утвердиться во власти и поддерживать ее и теми, кто ей противостоит», в то время как на втором направлении политика рассматривается как «кооперация общества, направленная на разрешение конфликта интересов» [Chilton & Schäffner 2002: 5].

Исходя из приведенных двух измерений, можно заключить, что мы имеем дело с возникновением политических конфликтов и их решением с опорой на легитимные средства (исключен из рассмотрения дискурс революции и т.п., функционирующий вне правовых рамок). Таким образом, опираясь на определение поля дискурса как референции к тому, что происходит, можно сделать вывод, что политический дискурс функционирует там, где происходит столкновение политических интересов и/или идут переговоры о разрешении этих конфликтов.

Указанное нами выше политическое взаимодействие, или по-другому политическая коммуникация является предметом изучения политической лингвистики, где последняя определяется как «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное взаимодействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения» [Чудинов 2006: 6]. Таким образом, содержание политической коммуникации можно свести к общественному обсуждению трех фундаментальных вопросов [Denton & Woodward 1985: 14]:

1) распределение общественных ресурсов;

2) контроль за принятием решений/право принимать решения (судебные, законодательные и исполнительные);

3) применение санкций (право наказывать или награждать).

Указанные фундаментальные вопросы дают нам возможность судить об основных функциях политического дискурса, к которым относят [ср. Шейгал 2004: 33-42]:

- инструментальную функцию;
- информативную функцию.

Под инструментальной функцией политического дискурса понимают его использование в качестве инструмента политической власти. Как мы уже отмечали ранее, политической коммуникации присущи разновекторные направления, такие как противостояние с одной стороны, и кооперация с другой. Данный факт указывает на противоречивость инструментальной функции политической власти, которая разбивается на следующие подфункции:

1) социального контроля;
2) легитимизации власти;
3) воспроизводства власти;
4) ориентации;
5) социальной солидарности;
6) социальной дифференциации;
7) агональную (инициирование и решение социального конфликта, выражения несогласия и протеста против действия властей);
8) акциональную (проведение политики мобилизации или умиротворения).

Выполнять свою инструментальную функцию политический дискурс может только благодаря другой не менее важной функции, а именно информативной функции, поскольку большинство членов указанной группы не соприкасаются напрямую с миром политики, делегируя эти полномочия своим представителям. Таким образом, представление о политическом мире у рядовых членов социума формируются на основе представленной им информации, вербальных и невербальных «картинок», а не на основе опыта их личного участия в политической жизни. Д. Грейбер выделяет следующие направления информативной функции политической коммуникации [Graber 1981: 198]:

1) распространение информации;
2) определение повестки дня;
3) проекция в будущее и прошлое.

Все три направления информативной функции близки по своему содержанию и образуют информационное поле политического дискурса. Распространение информации о положении дел в политическом сообществе служит информированию граждан и созданию политической реальности в их сознании. Определение повестки дня, т.е. выделение главных событий среди многих и их выдвижение в центр общественного внимания с одновременным смещением менее значимых или несоответствующих политической конъюнктуре событий на его периферию, заключается в контроле за распространением информации. И, наконец, проекция в будущее и прошлое состоит в прогнозировании будущего и оценочном размышлении о прошлом, ко-

торое представляет собой тщательно обдуманную презентацию положительного и отрицательного опыта самого адресанта или его оппонентов для решения своих политических целей [см. van Dijk 2006].

Определив поле политического дискурса и выделив его основные функции, мы вплотную подошли к описанию его системообразующих признаков. Прежде всего, политический дискурс, функционируя в условиях определенных социально-политических учреждений, характеризуется (1) институциональностью. В связи с тем, что политическая коммуникация, направленная на граждан страны, почти полностью опосредована средствами массовой информации и представляет собой институциональное общение [см. Fetzer & Weizman 2006], изучаемый дискурс проявляет признак (2) дистанцированности, которая проявляется в следующих аспектах [Шейгал 2004: 59-60]:

- физическая/пространственная дистанция (наличие охраны, специальных оградительных сооружений и т.п.);
- коммуникативная/контактная дистанция (недоступность политиков для прямого речевого контакта, медийно опосредованное общение);
- символическая дистанция (право на обладание символами власти: печать, ядерный чемоданчик, резиденции);
- психологическая дистанция (ореол таинственности, признание особой мудрости и проницательности политического лидера);
- информационная дистанция (монополия на информацию и ограничение доступа к ней нижестоящих).

С другой стороны, агенты политического дискурса стремятся сократить дистанцию с адресатом индексальным использованием языка, которое имплицитно сигнализирует о политических различиях, например, выбором одного из многих региональных или социальных акцентов, использованием лексем, ассоциируемых с конкретной идеологией, и, наконец, отбором форм обращения, показывающих либо солидарность, либо отстранение [Chilton 2004: 201]. Таким образом, мы можем утверждать, что политический дискурс характеризуется (3) индексальностью.

Граждане страны, будучи имплицитным адресатом даже тогда, когда они формально не включены в дискуссию, создают предпосылки для (4) имплицитно диалогического или даже полифонического характера политического дискурса [см. Bakhtin 1981; Chilton & Schäffner 2002]. В то время как политические деятели (агенты), дискутируя друг с другом, давая интервью, выражая свое несогласие и т.п., играют на публику и сообщают «адресату-наблюдателю» [Шейгал 2004: 63] тщательно отобранные сведения, направленные на привлечение большего числа сторонников, тем самым, обуславливая (5) театральный и (6) персуазивный характер политического дискурса.

В связи с тем, что политические агенты преимущественно оперируют фантомными знаками, т.е. словами, в значении которых отсутствует денотативный компонент, например, *демократия, социальная справедливость*, изучаемый дискурс характеризуется (7) смысловой неопределенностью. Несмотря на это, язык политики, как и любой другой профессиональный подъязык, стремится к точности обозначения, терминологизации своего информационного поля, таким образом, он подменяет действительность политической фантазией, которая понимается как «правдоподобная картина мира, полученная в результате того, что опосредованно отраженный опыт интерпретируется в качестве действительного положения вещей, при этом субъект интерпретации безусловно верит в подлинность этой реальности и не допускает мысль о возможности ее верификации» [Nimmo & Combs 1983: 8]. Адресаты-наблюдатели, находясь под влиянием искусственно созданной политической картины мира, имеют тенденцию к опоре на свое подсознание, иррациональное, что обуславливает (8) фидеистичность политического дискурса.

Природа мира политики, являющегося одной из самых подвижных и изменчивых сфер жизни, оказывается еще одним препятствием для верификации политической действительности, подверженной непрерывным трансформациям. Означенное положение дел предопределяет (9) динамичность политического дискурса. Исследователи утверждают, что политика не должна восприниматься только как продукт в виде «партийных и политических программ. Скорее, она должна восприниматься как динамический концепт и, следовательно, как процесс коммуникации» [Fetzer & Weizman 2006: 148].

Кроме этого, изменчивость политического дискурса вкупе с использованием профессионального языка, характеризующегося фантомными знаками, приводит к (10) изотеричности исследуемого дискурса, который становится доступным только для специалистов, способных определить контекст высказывания и дешифровать его скрытый смысл, что бесспорно обеспечивает дистанцированность политического дискурса.

Итак, исследователи указывают на примат ценностей над фактами, доминирование воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным в политическом дискурсе, который функционирует в условиях двух антагонистических явлений: политической борьбы и поиска общественного компромисса. В связи с этим, к основным функциям политического дискурса как институционального можно отнести его инструментальную и информативную функции, которые предопределены взаимодействием описанных выше признаков.

Список использованной литературы

1. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. - М.: Флинта, Наука, 2006. - 256 с.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. - 326 с.

3. Bakhtin M. M. The Dialogic Imagination: Four Essays. - Austin: University of Texas Press, 1981. - 444 p.
4. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. - London & New York: Routledge, 2004. - 226 p.
5. Chilton P., Schäffner C. Politics as Text and Talk. Analytic Approaches to Political Discourse. - Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 2002. - 245 p.
6. Denton R. Jr., Woodward G. Political Communication in America. - New York: Praeger, 1985. - 366 p.
7. Dijk T. A. van. Discourse and Manipulation // Discourse & Society. - London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage Publications, 2006. - Vol. 17 (3). - P. 359-383.
8. Fetzer A., Weizman E. Political Discourse as Mediated and Public Discourse // Journal of Pragmatics. - Amsterdam: Elsevier, 2006. - Vol. 38. - № 2. - P. 143-153.
9. Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. - Beverly Hills and London: Sage Publications, 1981. - P. 195-224.
10. Nimmo D., Combs J. Mediated Political Realities. - New York: Longman, 1983. - 240 p.
11. Orwell G. Politics and the English Language // Inside the Whale and Other Essays. - Harmondsworth: Penguin, 1962. - 143-157 p.

ПРОЦЕССЫ ИНЦИДЕНЦИИ И ДЕКАДЕНЦИИ В ПСИХОМЕХАНИКЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Исаева И. П.
Бийский педагогический государственный университет им. В. М. Шукшина

Инциденция - это фиксируемый в глагольных формах момент пересечения действия и времени. Инциденция отражает момент встречи действия со временем. Декаденция представляет уход действия в прошлое [Гийом 1992: 120-121; Реферовская 1997: 57; Скрелина 1978: 82].

Момент встречи действия со временем передает значение «совершаемости» действия, а момент ухода действия в прошлое представляет значение «совершенности».

Согласно приведенным выше положениям, любое событие может быть описано глагольными формами либо как включающее оба уровня - инцидентный и декадентный - либо как только инцидентный [Реферовская 1997: 92].

Если рассмотреть семантическую наполняемость глагольных форм хрональными характеристиками отображаемой действительности применительно к сфере прошедшего, становится очевидным, что переход ментальной картины описываемого фрагмента реальности в языковую форму детерминируется следующими факторами: говорящим и вариантами интерпретации наблюдаемой им ситуации. Если при восприятии и оценке события говорящий делает акцент на значении «совершенности» действия, то декадентная сема в смысловой структуре глагольной формы занимает бóльшую часть объема по сравнению с инцидентной семой. При этом перед мысленным взором говорящего разворачивается ретроспективная модель события, не имеющая вариантов перспективного развития. Иными словами, событие репрезентируется как принадлежащее исключительно сфере прошедшего и констатируется как факт прошлого опыта говорящего.

(1) I turned again to the house, and though it stood inviolate, untouched, as though we ourselves **had left** but yesterday, I saw that the garden **had obeyed** the jungle law, even though as the woods **had done** [D. de Maurier 1992: 6].

В том случае, когда говорящий не просто констатирует факт в прошлом, а отмечает процессуальную перспективу развития события, частицы декаденции и инциденции в смысловом составе глагольных форм занимают равные доли объема (примеры (2), (3)):

(2) From the moment she moved in, the hall **had been used** as a family living room, where everyone congregated [Bradford 1998: 5-6].

(3) The store on Fifth Avenue was an enormous success and **had been** from the very day it opened [Bradford 1998: 24].

Если доля инциденции превышает долю декаденции в объеме временного значения глагольной формы, то доминанта семы «совершаемости» свидетельствует о том, что воспринимаемое событие мыслится не просто как факт прошлого. В ментальном плане оно представляется в двухступенчатом расчленении: активная фаза события принадлежит сфере прошедшего, а его возможный результат динамического развертывания, прогнозируемый говорящим при оценке временной перспективы ситуации, непосредственно связан с настоящим:

(4) But I've never met anyone I wanted to marry [Bradford 1998: 188].

Степень представленности значения «совершаемости» во многом определяется, на наш взгляд, онтологическими особенностями воспринимаемых событий и интерпретацией времени события говорящим. Так, например, при итеративном характере события степень реализации значения «совершаемости» возрастает, поскольку перспектива развития ситуации для говорящего становится все более и более очевидной. Время события здесь носит дескриптивный характер:

(5) Everyone **said** he could turn anything into money [Saroyan 1975: 53].

Напротив, при сингулярном характере события представленность значения «совершаемости» максимально ограничена, поскольку на первый план в данном случае выходит констатирующий способ описания времени события, а это, в свою очередь, должно предполагать наличие значения «совершенности», что соответствует декадентным, а не инцидентным глагольным формам: